

A movie poster for the film 'Albina Nuri'. The central image shows a man with a beard and dark hair, wearing a dark, heavy jacket, holding a young child with long, light-colored hair. They are both looking directly at the camera with serious expressions. The background is a dark, rainy street in a city that appears to be in ruins, with smoke and fire visible in the distance. The overall color palette is dominated by dark tones and warm, orange-yellow light from the fires in the background. In the top right corner, there is a red circular badge with white text. At the bottom, the title 'АЛЬБИНА НУРИ' is written in large, bold, orange letters, and 'ПУЧИНА СКОРБИ' is written below it in large, bold, white letters with a distressed, textured appearance.

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

АЛЬБИНА НУРИ

ПУЧИНА СКОРБИ

Альбина Нури

Пучина скорби

Серия «Голоса тьмы»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69981259*

Аннотация

Популярный писатель Вадим Каменев лишился счастливой семьи и успешной карьеры, когда его пятилетняя дочь бесследно исчезла. Найти Ирочку не смогли, и спустя год никто не верит, что девочка жива. Лишь несчастный отец надеется отыскать ее, но надежда эта тает с каждым днем.

Однажды Вадим случайно находит в Интернете видео годичной давности, где мелькает лицо Ирочки, и понимает, что искать следы пропавшей дочери нужно в полузаброшенном городке Верхние Вязы. До этого места – тысяча километров пути, но Вадим, не раздумывая, отправляется на поиски...

Содержание

Вместо предисловия	4
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	35
Глава пятая	46
Глава шестая	56
Глава седьмая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Альбина Нури

Пучина скорби

Роман

Когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы.

Михаил Булгаков

Вместо предисловия

По статистике, каждый год в России пропадают более со-рока тысяч детей. К величайшему сожалению, некоторые из них погибают, кого-то получается найти и вернуть домой жи-выми и невредимыми.

Но есть те, кто исчезают бесследно, чьих следов найти не удастся. Они числятся пропавшими без вести, и никто не знает, где они и что с ними.

Городок Верхние Вязы, в котором происходит действие этого романа, выдуман автором. У города есть реальный про-тотип: Березники, город в Пермском крае России, где из-за специфики местных рудников образуются провалы в земле. Однако, подчеркну, место действия, события и люди, опи-санные в романе, являются плодом авторского воображения, а все совпадения случайны.

Глава первая

День обещал быть ужасным. Все дни в последнее время были такими, но этот – хуже самого плохого. Вадим не был уверен, что сумеет его пережить. А главное, не мог решить, стоит ли это делать.

Он открыл глаза около полудня, щурясь от света, лившегося в грязное окно. Скупое на ласку осеннее солнце пыталось подбодрить его, но от этого было только тяжелее: голова привычно болела с похмелья, глаза ломило так, что Вадим с трудом мог посмотреть по сторонам. Впрочем, конура, которую он снимал, была так отвратительна, что и смотреть не стоило.

Тряпки вместо занавесок, продавленный скрипучий диван, в который проваливаешься, как в яму, древний шкаф с царапинами на полировке, серый от грязи пол, комья пыли, обои в пятнах...

Как он дошел до такого? Он, аккуратист, чистюля и привереда, который терпеть не мог беспорядка и воспринимал немытую посуду и бардак на полках как личное оскорбление? Ладно, чего уж там. Вадим отлично знал, *как именно*.

Почему он не мог просто уснуть и не проснуться? Почему утро упорно продолжало наступать, хотя он делал, кажется, все, чтобы организм сдался и признал поражение? Вадиму было плохо – морально, физически – и он злился на себя за

эту никчемную, бесполезную живучесть.

Только мысль о бутылке пива, которая должна была оставаться в холодильнике, подняла его с дивана. Спал он чаще всего не раздеваясь.

Проклятой бутылки в холодильнике не оказалось. Вадим закрыл дверцу, потом снова открыл в слепой надежде, что мог ее не заметить. Но не углядеть бутылку в абсолютном пустом (не считая половинки луковицы, притаившейся на дверце) холодильнике было невозможно.

Боль продолжала терзать его несчастную голову, еще и тошнота накатила. Раздавшийся телефонный звонок был, словно оплеуха: резкий, болезненный. Телефон лежал на кухонном столе, и Вадим взял его, отметив, что рука слегка дрожит.

Номер был незнакомым. Ничего удивительного: со знакомых номеров Вадиму звонить давно перестали.

«Хватит себя жалеть! *Она* еще звонит иногда!»

Он тупо смотрел на высветившиеся цифры, не желая отвечать, но не находя в себе сил сбросить звонок. Телефон умолк, а через секунду вновь задребезжал назойливой трелью.

– Да, – коротко и хрипло сказал Вадим. – Кто это?

– Из журнала «Город и люди» вас беспокоят. В следующем месяце, как вы знаете, отмечается День города. – Звонившая сделала паузу, давая собеседнику отреагировать. Не дождавшись реакции, женщина продолжила: – Мы делаем подборку

об известных земляках, хотели бы пригласить вас принять участие, дать нам небольшое интервью и...

– А я здесь причем? – прервал ее излияния Вадим.

– Ну как же! – воскликнула женщина. – Вы популярный писатель. Ваша книга стала бестселлером, вы получили престижную литературную премию.

Она как будто уговаривала его признать это. Вадим почувствовал, что головная боль достигла крайней верхней точки, за которой, наверное, должен последовать взрыв. Он всерьез опасался забрызгать своими воспаленными мозгами кухонный стол.

– Я больше не пишу, – выдавил он.

– Но это...

– Идите к черту, ясно вам? – заорал он и отшвырнул телефон.

Бросившись в ванную, Вадим едва успел склониться над унитазом.

Когда немного полегчало, он сумел одеться, спустился и купил в круглосуточном магазине с торца дома несколько бутылок пива. Одну выпил по дороге домой, остальным собирался отдать должное в ближайшее время. Головная боль прошла, сменившись приятной легкостью. Вадим вошел в свою убогую берлогу и запер за собой дверь.

На улице было холодно. Сырой, пропитанный дождем воздух приободрил Вадима, он почувствовал что-то вроде душевного подъема. Распахнул настежь окно в единственной

комнате, а потом, неожиданно для себя, потянулся к компьютеру и включил его.

Тот, обрадованный давно не виданным вниманием к себе, ожил, хлопотливо загудел, подмигнул экраном. На рабочем столе, вместо любимой фотографии Вадима, теперь были стандартные безликие обои. Справа и слева выстроились ряды иконок. Одна из папок называлась «Тексты». Там хранились наброски, готовые рассказы, несколько вариантов романа, из-за которого сегодня ему звонили из журнала, а также с десятков глав новой книги, которая (Вадим прекрасно это понимал) не имела шанса быть дописанной.

Писатель – этот тот, кто не может не писать. Тот, для кого выплескивать на бумагу идеи, мысли, сюжеты, придумывать миры и населять их людьми, – необходимость. Тот, чьему существованию все это придает смысл.

Вадим больше не был таким человеком.

Он разучился рассказывать истории. Не чувствовал потребности. Его перо умерло.

Равнодушно отведя взгляд от папки «Тексты», Вадим зашел в YouTube, собираясь посмотреть ролики, потягивая пиво. Пялиться в экран, не думая ни о чем, не подпуская к себе воспоминания, – вот что он собирался делать, пока не кончится выпивка. А потом, скорее всего, удастся заснуть.

И, если очень повезет, не проснуться. Должно же человеку хоть когда-нибудь повезти?

YouTube вываливал горы информации. Тысячи роликов,

попавших в рекомендации Вадиму вследствие работы умных алгоритмов, ждали, когда он обратит на них внимание.

Он был бездумен и благосклонен. Смотрел, часто не понимая смысла, не вникая, но порой посмеиваясь или морщась, сбрасывал один ролик, переключался на другой.

Новости. Криминальная хроника. «ЛизаАлерт». Автомобили. Станные происшествия. Исторические факты и современная интерпретация событий.

– Маленький городок Верхние Вязы навис над пропастью, – надрывным, трагичным, но в то же время возбужденным голосом вещал блогер. – Это не фигура речи, а чистая правда! С тридцатых годов прошлого века здесь добывали соль, теперь предприятие не работает, но под городом образовались огромные пустоты. Земля в буквальном смысле может в любой момент разверзнуться у вас под ногами – и это периодически происходит! В глубоких провалах исчезают автомобили, здания и люди.

Вадим хотел было скипнуть ролик, но последняя фраза об исчезнувших людях резанула по сердцу привычной и вечно новой болью. Рука замерла над мышкой, и он поневоле взгляделся в экран.

Ролик был короткий, всего семь с половиной минут. Нарезка кадров апокалиптического вида в сопровождении голоса ведущего. Заваленные снегом железнодорожные пути. Перевернутые вагоны, замершие на рельсах ржавые поезда. Полуразрушенные промышленные корпуса и жилые здания,

торчащие из земли трубы. Огромная черная воронка, словно от падения гигантского метеорита. Еще одна, яма, наполненная мутной водой. Длинное здание, сползающее одним концом в пропасть, точно гигантская мертвая гусеница.

Вадим сделал глоток пива.

– Самое удивительное, что люди здесь до сих пор живут! Большинство уехало, когда город стал местом, опасным для жизни, но есть и те, кто по разным причинам остались. Так что и сейчас в Верхних Вязах течет река чьей-то жизни!

Парень, небось, был доволен последней высокопарной фразой. Камера заскользила по улицам, натываясь на прохожих, порой высвечивая их лица крупным планом. Вадим смотрел, думая о том, что есть на свете люди, чья жизнь примерно столь же беспросветна, сколь и его собственная, хотя и по другой причине.

Он не особо вглядывался в лица, пока камера не замерла на миг, остановившись на одном из них. Это длилось всего секунду – и Вадиму показалось, что в него на полном ходу врезался автомобиль. Или поезд.

Глядя на это лицо, он испытал удар такой силы, что его чуть не выбросило из собственной шкуры. Грудь сдавило, Вадим открывал и закрывал рот, позабыв, как дышать.

На него смотрела она.

Ирочка.

Его пятилетняя дочь, пропавшая год назад.

Кадр сменился, и Вадим, взревев, как раненое животное,

точно у него отняли самое дорогое, схватил мышку. Рука ходила ходуном, и он кое-как сумел нажать «Стоп», потом отмотал назад. Нужный момент удалось поймать не сразу, но, когда в итоге получилось, слегка размытое Ирочкино лицо замерло на экране.

Это была она. Не похожая на нее маленькая девочка, а именно она! Глаза, форма губ и носа, густая темная челка. Вадиму казалось, он видит крошечный белый шрамик над верхней губой: дочка упала, поранилась в бассейне, когда ей было три годика, и это казалось им с женой страшным несчастьем.

На Ирочке была чужая одежда: неприметное пальтишко, дешевая вязаная шапка, розовые резиновые сапожки. Кто-то держал девочку за руку, но понять, что это за человек, было невозможно: в кадр попал лишь рукав черной куртки.

Вадим жадно вглядывался в личико ребенка, краем сознания понимая, что бормочет что-то, хрипит. Перед глазами плыло, слезы текли по щекам, но он не вытирал их, он и не замечал, что плачет.

Невозможно. Невыносимо.

И все же это была правда. Его пропавшая дочь обнаружилась за тысячи километров, в забытом богом месте, на Урале, среди лесов и гор. В городке, который, если верить блогеру, автору ролика, исчезает с лица земли.

Вадим не знал, сколько он просидел, впившись взглядом в экран. Через какое-то время разум включился, и пришла

мысль: «Я всегда знал, что она жива; я найду ее и верну».

Первая часть фразы была ложью. Вадим не мог этого знать, более того, в итоге заставил себя перестать верить. А вот вторая часть...

Он вскочил со стула, забегал по комнате. Подошел к окну и закрыл его: в комнате стало слишком холодно, к тому же Вадима била нервная дрожь.

Что делать? Куда обратиться, что предпринять?

Мысли блохами скакали в голове, и Вадиму не удавалось сосредоточиться. Наверное, нужно обратиться в полицию. Но там им с женой не помогли, ничего не сумели сделать. Вадиму казалось, что и не делали ничего такого, о чем он читал в зарубежных триллерах про похищения, пропажу людей. Возможно, ошибался, ждал слишком много, но факт оставался фактом: полиции он не доверял, был слишком разочарован.

С другой стороны, сообщить было необходимо. Но позже, все-таки чуть позже. Сначала надо позвонить Вере. Жене. Вадим взялся за телефон, но увидел, что тот разрядился. Зарядка обнаружилась почему-то в кухне на подоконнике.

Пусть мобильник подзарядится, а пока нужно прояснить кое-что. Как он сразу не додумался сделать это? Вадим снова сел за компьютер. Ролик вышел на канале «Неведомая Россия». Небольшой канал, немногим более десяти тысяч подписчиков, да и роликов немного. Связаться с автором можно было через социальную сеть.

Вадим перешел по нужной ссылке и увидел автора ролика: молодой парень, не старше тридцати, вместо имени – ник Viator. Вроде бы на латыни это означает «путешественник». Короткие светлые волосы, настороженный взгляд человека, который в любой момент готов вскочить с места и убежать.

Посмотрев посты на стене, Вадим понял, что пообщаться с «Виатором» будет непросто, заблудился он где-то, на связь не выходит уже около года. Но все же написать стоило, и Вадим быстро ввел и отправил короткое сообщение.

Вернувшись на канал, просмотрел данные о ролике, в котором увидел дочь, и понял, что видео было выложено довольно давно, примерно год назад. Приблизительно тогда исчезла Ирочка. Причем то самое видео было последним, больше на канале ничего не выходило.

Такое бывает: множество людей хотят стать авторами на YouTube, грезят о больших доходах, покупают дорогущее оборудование (часто в кредит), начинают снимать ролики, но вскоре бросают, теряя интерес или не сумев найти свою нишу, набрать аудиторию.

Однако в душе Вадима стало зарождаться нехорошее предчувствие. Совпадение бросалось в глаза, хотя и непонятно было, что оно может означать.

Вадим стал думать, как еще выйти на «Виатора», и тут в квартире погас свет. Системный блок жалобно всхлипнул, экран погас.

– Черт! – прошипел Вадим.

Электричество периодически отключали, ничего удивительного в этом нет. Скоро дадут, можно будет продолжить поиски. А пока надо позвонить жене: телефон уже успел «съесть» немного энергии. Натыкаясь в темноте на мебель, Вадим добрался до мобильного и отыскал нужный номер.

Глава вторая

В другое время ему пришлось бы долго собираться с силами, настраиваться, морально готовиться к тому, чтобы позвонить жене. Времена, когда им было легко друг с другом, когда они беседовали часами или просто уютно молчали вместе, давно (и, как полагал Вадим, безвозвратно) прошли.

Он попытался вспомнить, когда они созванивались в последний раз. Получалось, что в конце лета. В августе у Веры был день рождения, и Вадим звонил, поздравлял. Формальные слова, сухая благодарность.

Что можно пожелать человеку, который потерял главное? К тому же потерял по твоей вине?

Вадим слушал гудки и надеялся, что жена возьмет трубку. И что отвращение в ее голосе, когда он скажет ей то, что собирается, будет не слишком сильным.

– Привет, – услышал он. Вера никогда не говорила ни «алло», ни «да», сразу переходила к приветствию.

Вадим поздоровался в ответ.

– Так и думала, что позвонишь, – произнесла жена.

Наверное, правильное было говорить «бывшая жена», но у Вадима не получалось выговорить это словосочетание даже мысленно.

– Как ты? – спросила Вера.

Ему показалось, или это прозвучало сочувственно?

– Тяжелый день, – пробормотал он.

Про то, что прошел год, оба лишь подумали, но говорить не стали. Он откашлялся, собираясь с мыслями, думая, как начать.

– Послушай, я... Я сама хотела позвонить тебе, только не решалась, – сказала Вера и умолкла. – Как же тяжело! Ты расскажи, как живешь? Как новая книга – продвигается?

Вадиму не хотелось лгать. Но и сказать Вере, что больше он не может написать ни строчки, что сочинитель в нем умер, было куда сложнее, чем давешней журналистке. Поэтому он промолчал.

– Я была слишком жестока, – продолжала Вера. – Видела, что ты себя поедом ешь, уничтожаешь, сердце свое рвешь... А ведь я кардиолог, твое сердце – моя профессия. – Она тихо усмехнулась. Фраза была их личным кодом. Когда Вадим признавался ей в любви, Вера не просто говорила, что тоже любит, а обыгрывала это, связывала с кардиологией. – Я должна была...

– Ты ничего не должна. И никто не мог бы винить меня больше, чем я сам себя винил. Есть за что. Вера, давай сейчас не будем об этом. Мне нужно рассказать тебе... Появились новые обстоятельства.

Жена не ответила, не произнесла ни слова, но он почувствовал, как тишина на том конце вечности стала ледяной и колючей. Он ожидал этого. Знал, что Вера отреагирует именно так, и заторопился.

– Сегодня я смотрел видео. Ничего не искал специально, не думай. Все вышло случайно. На одном канале вышло видео про городок Верхние Вязы. Я про него и не слышал никогда. Ты тоже, думаю. Он крошечный, где-то на Урале. Город уходит под землю, проваливается.

– Вадим...

– Подожди, пожалуйста. Всего минутку. Сейчас ты все поймешь. Так вот, блогер показывал улицы этого городишки, и в кадр попала... Вера, я не сошел с ума! Я собственными глазами видел нашу дочь. Ирочка была там! Кто-то, какой-то человек держал ее за руку!

– Прекрати! – резко проговорила Вера. – Это уже чересчур! Сколько можно издеваться.

– Я не... Вера, ты должна мне верить!

– Ты сам недавно сказал, что я ничего тебе не должна.

Она говорила отрывисто, слегка задыхаясь. Вадиму нужно было убедить ее, нужно! Разве слово не было долгие годы его профессией? Почему же не получается подобрать нужных, тех, что заставят ее поверить?

– Я могу доказать. Есть видео. У меня электричество отрубили, но, когда дадут, я перешлю. Это же след, Вера! И блогеру тому я написал, жду ответа. – Вадим умолчал, что «Виатора» не было в сети уже давно. Нельзя вываливать на Веру все сразу. Надо дать ей осмыслить, переварить информацию.

Только жена, судя по всему, не желала этого делать.

– Вадим, прости за грубость. Теперь ты меня выслушай. – Она старалась унять дрожь в голосе, говорить спокойно и взвешенно. Эту интонацию Вадим называл «врачебной», Вера говорила так со своими пациентами. – Это происходит не в первый раз. Сколько раз ты видел Ирочку? Двадцать? Пятьдесят? Сколько раз был убежден, что знаешь, где она? Что напал на след?

Вера была права. После исчезновения дочери это стало навязчивой идеей. Вадим видел ее на улице, на чужих снимках, в супермаркете, на школьном дворе, в Интернете.

Однажды бросился к девочке, которую мать вела из садика, стал говорить с ней, схватил за плечи и только через пару минут понял, что ошибся. Потом набросился в магазине на мужчину, который покупал мороженое своей дочке: принял ребенка за Ирочку. Скандал еле удалось замять.

Мало того, Вадим развил бурную деятельность. Расклеивал объявления, обещал вознаграждение за информацию, переписывался с людьми и организациями, занимающимися поиском пропавших. Обращался к экстрасенсам и гадалкам. Его обманывали, обдирали, как липку.

Одна благостная старушка в платочке промолвила, сочувственно глядя на Вадима:

– Нету вашей девочки. Померла. Вам ее искать не надо: тот, кто над ребенком зверство учинил, будет наказан. Учитель Илларион как говорил в Учении? Учил, что груз, которым человекотяжелел поступь другого, его самого утянет в

пучину скорбей! Так-то. Наказан лиходей будет и без вас.

Вадим послал старуху вместе с советами и домыслами. «Померла?» Как бы тебе самой в живых остаться после таких слов! Вылетел от нее пулей, долго не мог успокоиться. Пытался забыть, однако фраза про пучину засела в памяти. Вадима затягивало все глубже, но он стремился выплыть и усиливал свою активность.

Наверное, это был его способ пережить боль, справиться. Будучи деятельным человеком, Вадим не мог ждать и верить, ему требовалось куда-то бежать и что-то делать.

Вадим не понимал, что каждый проблеск его надежды, который вскоре гас, медленно, но верно уничтожал его жену. Она справлялась иначе, по-своему, ее психика была устроена по-другому. Вадим, расставаясь с очередной иллюзией, бросался дальше на поиски. Полагал, что пустые шкатулки, которые он ошибочно выбирает, несчастливые билеты, которые вытягивает, неминуемо приближают выигрыш. Поражение влечет за собой успех, за поступью неудачи слышны шаги победы – вот как он думал.

Вера же каждый раз, хороня очередную надежду, умирала сама. Вадим не замечал этого, не желал замечать. Она проваливалась в депрессию все глубже и глубже, перестала есть и спать, пока наконец не случился срыв...

Жена Вадима была сильной, но это не помогло бы ей, не найди коллеги хорошего специалиста. Вера выкарабкалась, но после этого решила, что им с Вадимом не стоит быть вме-

сте. Она кое-как восстановила в душе подобие хрупкого равновесия и не хотела больше рисковать.

Общая боль в итоге не сплотила их, а развела.

Вера попросила Вадима уйти, и он ушел.

– Ты права. Я все только портил, ты едва не погибла, и в этом была бы моя вина. Все так. Но сейчас... Это другое! То видео на самом деле может помочь нам найти дочь! – Вадим чувствовал, что заводится, повышает голос. Чувства захлестывали его, он не мог сопротивляться. – Я же сказал: у меня есть доказательство. Мы не можем просто взять и отбросить его.

– Доказательство? – Вера вздохнула. – Скажи мне, ты пил сегодня? Зачем я спрашиваю, я же по голосу слышу, что да.

– Боже, что это меняет?! Я выпил совсем немного, только пиво.

– Меняет все, – отрезала она. – Не хочу больше обсуждать это.

– Не вешай трубку, Вера!

– Спокойной ночи.

– Я пришлю тебе ссылку! – крикнул он в пустоту. Вера уже нажала отбой.

Вадим медленно отвел трубку от уха. Еле сдерживал себя, чтобы не треснуть телефон о стенку. Он понимал, что Вера имеет право так реагировать, более того, чего-то подобного он и ждал, но все же был разочарован.

Куда еще, к кому Вадим мог обратиться?

И про алкоголь... Это был запрещенный прием, удар ниже пояса, так ему казалось. Вера прекрасно знала, что он не пьяница, у него никогда не было такой проблемы!

«Не было, но появилась, — безжалостно констатировал внутренний голос. — Будь честен перед собой. Ты спиваешься, это очевидно».

Следом пришла мысль, что Вера может быть права.

Ужасная мысль, после которой захотелось...

... умереть или напиться.

Вадим обхватил голову руками и застонал. Могло ли быть, что ему померещилось спьяну? Что на видео был другой ребенок, вовсе не Ирочка, а его воображение (*подпитанное выпивкой!*) сыграло с ним злую шутку?

Быстрее бы электричество включили. Искать в телефоне бесполезно — уровень заряда слишком низкий. Вадим пошел в ванную, умылся ледяной водой, чтобы прийти в себя, постараться вспомнить. Нет, не показалось ему. Не так уж сильно он был пьян.

Взяв в прихожей зажигалку и сигареты, Вадим вернулся на кухню, открыл окно и закурил. Влажный стылый ветер вползал в кухню, как туман. Скоро начнет темнеть.

Вадим успел возненавидеть тьму. Она заползала ему под кожу, никогда не оставалась снаружи, всегда просачивалась вглубь измученной души. Приносила страшные сны, больше похожие на видения.

До исчезновения дочери Вадим пил мало, был равноду-

шен к спиртному. Знал, что после выпитого его потянет в сон, а после будет болеть голова. Но из-за случившегося ему как раз это и было необходимо: сонное забытие и боль, на которую можно было отвлечься хоть на время. Физическая боль способна была ненадолго заглушить душевную.

А самое главное – пьяный сон не имел сновидений. У кого как, но для Вадима это была аксиома: он проваливался в черную яму, превращался в камень.

Алкоголь прогонял кошмары.

Кошмары, в которых была Ирочка. То существо, в которое она превращалась.

Сон всегда был один и тот же. Вадим оказывался в коридоре незнакомого здания, понимая, что находится глубоко под землей. Где-то впереди был источник света – желтый, прозрачный огонек. Вадим бежал в ту сторону, во сне он знал, что дочь ждет его там. Слева и справа тянулись черные стены, и Вадим понимал, что в стенах ползают неведомые твари с алчными глазами и вечно голодным нутром. Они хотели дотянуться до него, но не могли, и лишь нашептывали что-то на мертвом языке.

Чем ближе он подбегал к желтому огню, тем громче становился шепот.

Во сне Вадим чувствовал кислый, густой запах – запах жирной, кишасей червями земли. Он забивался в ноздри, затекал в глотку.

Наконец коридор заканчивался, и Вадим видел Ирочку.

Дочь стояла спиной к нему и, стоило ему очутиться рядом, начинала поворачиваться. Уловив это движение, Вадим каждый раз понимал, насколько ему страшно, сознавал, что бежать сюда было нельзя, что ему не стоит смотреть на девочку.

Тем не менее он смотрел, не мог отвести взгляда.

Ее лицо было белым, волосы казались искусственными, жесткими, как у манекена. Глаза походили на дыры, просверленные в куске дерева. Из рта вырывалось шипение. Она говорила, но Вадим не понимал слов. А потом плоть начинала оплывать, чулком сползать с ее костей. Стекала, словно расплавленная кислотой, и в этот миг Вадим обычно просыпался, крича и обиваясь потом.

Потому он и не ложился спать трезвым. Вот уже почти год это был вопрос выживания. Сохранения здравого рассудка. Вера не имела права осуждать его за жалкую попытку спастись.

Другой вопрос – зачем вообще спасаться? Не легче ли соскользнуть в безумие или умереть? Почти ежедневно Вадим задавался этим вопросом, не находя ответа.

И только сейчас смог твердо сказать, что сохранять себя все же стоило. Потому что, если Ирочку еще можно вернуть, то никто другой не сделает этого, кроме ее отца.

Глава третья

– Мужчина! Эй, мужчина! Вставай! Просыпайся!

Эти слова год назад ознакомили для Вадима начало новой жизни. Они стали набатом, пробудившим его ото сна и заставившим окунуться в нескончаемый кошмар.

Пока он спал, сохранялась иллюзия нормальности. В реальности, конечно, все уже изменилось, но Вадим не успел узнать об этом. В его понимании все еще шло так, как должно было: любимая семья – жена и маленькая дочка, успешная работа, перспективы, от которых захватывало дух, уверенность в том, что мечты и впрямь сбываются.

Однако на самом деле все уже сломалось. Вселенная исказилась, дала трещину, пусть заснувший на скамейке в парке Вадим и не подозревал об этом.

Услышав высокий женский голос, почувствовав, что кто-то тормозит его за плечо, Вадим поначалу подумал о двух вещах.

Первое. Откуда в его спальне взялась женщина с таким визгливым, неприятным голосом?

Второе. Почему он спит сидя?

Разлепив глаза, Вадим сморщился от боли, прострелившей шею. Во рту был кислый привкус, и он пошевелил языком, сглотнул, надеясь от него избавиться. Хотелось пить, а еще было холодно, ноги замерзли.

Женщина, которая стояла возле него, была полная и круглолицая, смотрела подозрительно и немного сердито.

– Слава богу, – сказала она. – Я шла, смотрела издали, думаю, спит или что? Как-то завалился ты на бок... Подошла, водкой не пахнет, трезвый, значит. Ну и одет прилично, видно, что не алкаш. Думаю, может, сердце прихватило. Люди нынче какие? Смотрят, а мимо идут, не остановятся. Я так не могу. – Женщина вздохнула. – Подошла вот. Живой, значит. Хорошо.

С этим Вадим не стал спорить. Конечно, хорошо, что живой.

Он еще не мог сообразить, что происходит, не мог выбраться из вязкого сонного морока. Бывает такое среди бела дня: разморит, заснешь в самой неудобной позе; все тело потом ноет, голова тяжелая, гудит и побаливает.

– Скоро темнеть начнет, и холодина зверская. По прогнозу говорили, к вечеру на десять градусов упадет, во как! Можно и замерзнуть, нечего рассиживаться на лавке в такую погоду, – продолжала бормотать заботливая гражданка.

Тут Вадим проснулся по-настоящему. Мысли хлынули лавиной, он вскочил со скамьи, принялся озираться.

– А Ирочка? Где Ирочка? – беспомощно произнес он.

– Кто?

– Моя дочь, Ира, – пояснил он, уже понимая, но не признаваясь себе, что произошла катастрофа. – Мы пошли с ней гулять в парк. Она была тут. Моя дочь! Ей недавно исполни-

лось пять!

Голос его звучал громче и громче, поднимался ввысь, к равнодушному темнеющему небу; паника в нем звучала все отчетливее, и глаза у женщины округлялись все сильнее.

– Нету никого, – пролепетала она, словно несла персональную ответственность за дочь Вадима. – Говорю же, холодина. Вечер уже. Разошлись все.

Детская площадка в городском парке, куда Вадим привел Ирочку, – новая, современная, большая, со множеством горок, домиков, дорожек, качелей, с крутящимися каруселями, лавочками, забавными зверушками и еще бог знает чем – была пуста.

Когда папа с дочерью пришли сюда днем, парк звенел от детских голосов, малыши в пестрых одежках сновали по площадке, как забавные разноцветные муравьи, а их родители и бабушки-дедушки наблюдали за своими чадами и время от времени фотографировали их.

Ирочке нравилась эта площадка; и сам парк, где продавали попкорн, мороженое и сладкую вату, она обожала. Парк располагался не так далеко от детского сада, и иногда, когда были время и возможность, Вера или Вадим (смотря чья очередь забирать ребенка из садика) приводили дочку сюда, погулять, поиграть часок.

Парк, старый добрый парк, исхоженный вдоль и поперек. И милая площадка, и привычные развлечения... Что плохого может случиться?

Но оно все-таки случилось. Сознание свершившейся, подкрадывшейся беды заползало в душу черным душным облаком.

А дальше...

Была, конечно, бессмысленная беготня по площадке и парку. Поиски, которые не могли увенчаться успехом. Призывы откликнуться, выходить немедленно, перестать прятаться, быть хорошей девочкой.

Все это была чушь собачья.

Вадим прекрасно знал, что Ирочка ни за что не стала бы прятаться, хихикая над обезумевшим от беспокойства отцом. Заблудиться Ирочка тоже не могла – негде тут потеряться. Она играла на площадке с другими детьми, Вадим сидел на лавке – никаких предпосылок к тому, чтобы ребенок запаниковал, не зная, куда идти.

Была небольшая вероятность, что девочка по неизвестной причине решила потихоньку уйти из парка, но и в нее не верилось. Ирочка не стала бы этого делать. Если бы ей хотелось уйти, если бы она устала играть или обиделась на кого-то из ребятшек, сделала бы то единственное, что только и могло прийти в голову послушному, воспитанному ребенку: подошла бы к папе, заявила, что хочет домой.

Так что Вадим уже прекрасно понимал: все куда страшнее. Он заснул, а в это время кто-то увел его дочь. Украл, похитил.

Это был гад, мерзавец. Или группа негодяев. Но Вадим в тот день (и во все последующие дни) обвинял не его или их,

а себя. Он, лишь он один, нерадивый, преступный отец, был виноват во всем! Ведь это он, тот, кому самой природой и обществом назначено заботиться о дочери, не уберег своего ребенка.

Женщина, которая разбудила Вадима, бегала и искала вместе с ним. Она и полицию дождалась: действительно была из числа равнодушных людей.

Самым страшным оказался звонок Вере. По мере продолжения беседы Вадим слышал, как гас, таял ее голос, как на смену оживлению и приветливости пришел страх. А следом – ненависть.

– Как ты мог? – кричала она.

Вопрос все повторялся и повторялся, день за днем, месяц за месяцем.

– Тебя никогда ничего не интересовало, кроме твоего чертового творчества! – Последнее слово Вера буквально с кровью выхаркивала ему в лицо. – Ничего, никого не было важнее! Ни я, ни Ирочка не имели для тебя значения! Подавись теперь своими книжками, живи в своем вымышленном мире, пусть твои персонажи согревают тебя по ночам!

Вера могла и не говорить Вадиму таких слов. Именно ими и без того были наполнены его мысли.

Признавался он себе в этом или нет, но Вадим всегда хотел преуспеть, прославиться, заработать, ухватить удачу за хвост, посадить в клетку и заставить служить себе. Хотел, но ведь не только ради себя самого, ради пресловутой саморе-

ализации, про которую твердят разные коучи и мотиваторы из Интернета. Для семьи он желал этого, для тех, кого любил! Чтобы жена и дочь могли им гордиться, чтобы он мог содержать их и баловать.

В конце концов это случилось, Вадим все же добился успеха, но кому он теперь был нужен, этот успех?

Из-за него вся жизнь рухнула.

Не впрямую, нет. Но Вадим не спал две ночи подряд – работал. Новая книга отнимала все силы, а еще он боялся, что не сумеет повторить успех двух предыдущих романов, так и останется автором парочки книжек, интерес к нему постепенно угаснет. Тогда ему, потерявшему популярность писателю, придется снова вернуться к преподаванию, которое не приносило ни особенной радости, ни хороших денег.

До того как первый роман был издан, Вадим читал лекции в вузе, а параллельно, ночами и по выходным, писал. Это была его отдушина, его способ отвлечься от быта, суеты, вечного бега по кругу от зарплаты до зарплаты.

В итоге Вадим сумел придумать яркий и необычный мир, населенный живыми и интересными героями; написал историко-фантастический роман, который пришелся по душе читателям.

Сначала были отличные продажи на крупнейшем портале электронных книг. Потом его заметило серьезное, самое крупное в стране издательство, и Вадим не мог поверить своему счастью. Его книгу издали, была яркая рекламная ком-

пания, несколько допечаток тиража, который разлетался в считанные дни.

Вторая книга оказалась еще успешнее первой, права на экранизацию были выкуплены, ожидалось начало съемок. Приятным бонусом оказалась литературная премия, а следом – интервью в глянцевом журнале...

Жизнь, прежде довольно серая и предсказуемая, была ключом, фонтанировала, переливалась разными красками. Вера привыкла отвечать, что она жена «того самого Каменева». Ирочка говорила, что ее папа «знаменитый, потому что его все знают».

Но потом дело пошло на спад. Никто, кроме Вадима, ничего плохого не замечал, со стороны ничего видно не было, однако это не меняло главного. Сам-то он прекрасно все понимал.

Третья книга не давалась. Пропал кураж, азарт, и последние месяцы были пропитаны суетой и страхом: не успею, не смогу, я бездарь, которому случайно повезло, а теперь счастливая звезда погасла; надо ускорить темп, думать, думать...

Дело было в том, что Вадима настиг пресловутый творческий кризис. Это если выражаться высоким слогом. А если по-простому – затык. Каждый писатель время от времени сталкивается с этим пренеприятным явлением.

Ты тупо пялишься на белый лист, буквы не желают складываться в слова. В голове пусто и гулко, как в покинутом скворцами скворечнике. Написал строчку через силу, поди-

вился тому, как из тебя вылезла эта пошлая банальщина, стер поскорее. И так час за часом, день за днем.

Идеи закончились – ключ от склада потерян.

Сюжеты не желают выстраиваться и вести за собой.

Герои напоминают выцветшие открытки. Они не говорят, не рассказывают историй, не живут, не дышат. Это лишь статисты, мертвые куклы с мертвыми голосами.

Вадим впал в отчаяние, пытаясь скрыть свое состояние от Веры. Она, по всей видимости, замечала, что происходит нечто нехорошее, но с расспросами не лезла, и за это Вадим был ей благодарен.

Время шло, и он уже стал просматривать в Интернете информацию о том, сколько снотворного нужно принять, чтобы тихо переправиться на другой берег и не позориться больше, уйти, так сказать, на пике, когда жестокосердная муза сжалилась над ним.

Пару дней назад – хвала писательским богам! – все стало меняться. Вадим нащупал тропу, сделал первые шаги и осознал: вот оно! Ему стало легко, словно с него сняли кандалы и разрешили свободно передвигаться. Вадим побежал вперед, торопясь записать все, что приходило в голову. Персонажи наконец-то стали говорить с ним, двигая сюжет вперед, и это делало Вадима по-настоящему счастливым.

Тогда он еще не знал, что такое счастье. Это уже позже оказалось, что счастье – когда жена и дочь рядом. Когда твоя семья с тобой, и ты не лежишь ночью, пялясь в потолок, не

гадаешь, где твоя малышка, жива ли она. Не давишься сухими рыданиями при мысли о том, что ее уже нет или что ей плохо, ее мучают и обижают. Когда твоя жена любит тебя, а не смотрит с презрением, мукой и неприязнью.

Словом, все было просто, как топор: Вадим не спал ночью, его сморило на скамейке в парке, и, пока он дрых без задних ног, его дочь пропала.

Никакого опыта в том, как должны проводиться поиски пропавшего ребенка, у Вадима и Веры не было. Они лишь читали о похожих ситуациях в зарубежных триллерах. Наверное, все необходимое было сделано, во всяком случае, суэты хватало.

Опросили всех, кто был на детской площадке (точнее, тех, кого смогли найти). День был холодный, детишек мало. Однако все же нашлись и дети, и взрослые, вспомнившие Ирочку.

Видеть видели, но ничего подозрительного не заметили. Никакой злоумышленник не уводил ребенка с детской площадки. В основном все говорили, что ушли домой раньше, Ирочка еще оставалась, играла.

Одна мамаша заявила, что Ирочка вошла в деревянный теремок, который стоял на отшибе, в углу площадки. Она обратила на это внимание, потому что дети заглядывали туда крайне редко: летом там продавали соки, лимонад и сладости, а осенью теремок пустовал. Того, как Ирочка выходила из домика, женщина не заметила.

Других полезных сведений от свидетелей получить не удалось, так что за основу взяли тот факт, что девочка вошла в теремок, а после ее никто не видел. Но ведь теремок – это не портал в иные миры. Либо Ирочка вышла оттуда одна, просто свидетельница проглядела тот момент, либо в домике ее караулил преступник, который сумел похитить ребенка и раствориться вместе с ним в осеннем парке.

Ни одна подозрительная машина не попала на камеры наблюдения. Никто не видел, чтобы преступник тащил упирающегося ребенка или нес на руках к выходу из парка.

Одно сплошное ни-че-го.

И требования выкупа не дождались.

Могло же быть, что кто-то решил, будто Вадим, внезапно ставший известным писателем, разбогател и сделался подходящим объектом для вымогателей? Преступники подгадали момент, когда кто-то из родителей поведет дочку в парк, на детскую площадку, подкараулили их и совершили свое черное дело. Да, такое могло бы, но... этого не было.

В течение короткого времени надеялись, что руку к исчезновению Ирочки приложили хейтеры Вадима, завистники, хулиганы. Попугают, поиздеваются над чувствами обезумевших от горя родителей и вернут им дочь. Не сработало и это.

Насильники, педофилы, садисты всех мастей – в плену у кого из них находилась Ирочка? Или ее похитили не с целью удовлетворения болезненных наклонностей? Ответа не было ни у кого. А теперь, когда прошел уже год, ответ и искать-то

почти перестали.

Объявления о пропаже ребенка, развешанные на столбах, побледнели, вылиняли и облетели, как осенние листья. Дворники подмели их метлами, скомкали и выбросили. Первые полосы местных газет давно заняли другие новости. Ирочка исчезла из общественного пространства, как раньше исчезла из жизни Веры и Вадима.

Осталась только в памяти, в сердце – уже не живым человеком, а незаживающей, кровоточащей раной...

Но если Вера готова была уже смириться с этим, то Вадим – нет.

Глава четвертая

Утро было серое и блеклое, как застиранная простыня. Небо хмурилось, раздумывая, не разразиться ли дождем; ветер срывал с прохожих шапки и выворачивал зонты металлическими кишками наружу.

Вадим не обращал внимания на погоду. Впервые за долгое время он чувствовал себя живым и нужным. Не кому-то, не Вере, так хотя бы себе самому. Поутру, когда сбрасывал многодневную щетину, приводил себя в божеский вид, он без привычного отвращения смотрел на свою физиономию.

Было одиннадцать часов, но Вадим успел переделать кучу дел. Не спал всю ночь, и сейчас еще бешеная энергия, адреналин, бурливший в венах, не давали прилечь, сомкнуть веки. Перед ним, деятельным и целеустремленным человеком, маячила четкая цель, и он намерен был двигаться к ней.

Вадим привел в порядок съемную квартиру: выбросил пустые бутылки, все вымыл и вычистил; природная (даже избыточная, по мнению Веры) аккуратность не позволяла оставить жилье грязным, запущенным перед тем, как с него съехать. Вадим уведомил квартирную хозяйку, что не будет продлять договор на следующий месяц.

– У тебя еще за неделю уплачено, – хмуро сказала женщина, – живи. Придет кто желающий – покажешь им. У меня-то не всегда время есть.

Вадим разочаровал ее, сказав, что придется уж ей самой демонстрировать хоромы. У него дела, он уезжает из города.

— Я все равно не верну тебе за эту неделю... — начала она, но Вадим прервал и сказал, что никакого возврата средств и не ждет.

Немногие свои вещи он упаковал в дорожную сумку. То, что не собирался брать с собой, отвез в гараж. Проверил машину, на которой не ездил уже давно. Машина была новая, надежная, не подведет. А дорога предстояла дальняя.

На карточке оставалось достаточно средств: Вадим прикинул и решил, что ему должно хватить, если тратить с умом, экономить. До отъезда оставалось лишь пристроить компьютер: оставлять его в гараже Вадим не хотел. Не только потому, что вещь дорогая, просто холод и сырость вредны для умной техники.

Придется отвезти к Вере, в их бывшую общую квартиру, другого выхода нет. После вчерашнего разговора они больше не созванивались; повисшая между ними тишина сделалась еще более тяжелой, чем прежде. Вадиму казалось, они с Верой в этой ледяной тишине, как в путники, заблудившиеся в густом тумане, удаляются друг от друга все дальше.

Когда вчера дали электричество, Вадим снова открыл то видео, на которое попала Ирочка, скачал его себе в телефон (на всякий случай) и отправил Вере на почту ссылку на ролик с указанием нужного тайм-кода.

Но письмо вернулось с сообщением о невозможности от-

правки: то ли Вера удалила почтовый ящик, то ли внесла Вадима в черный список, то ли была другая причина.

В мессенджер ей Вадим ничего отправлять не стал. Вера дала понять, что не желает ничего знать, так зачем?... К тому же не стоило сбрасывать со счетов то, что Вадим в очередной раз ошибается; что он, как полагает Вера, болен, и его мозг, буйное писательское воображение или потребность выдать желаемое за действительное сыграли с ним злую шутку.

Вадим поедет и сам все выяснит, к чему впутывать жену? О планах своих говорить Вере не хотелось, хотя придется, наверное: надо что-то делать с компьютером.

– Вера, доброе утро.

– Привет, – сухо вато отозвалась жена.

– У меня просьба. Могу я привезти домой... к тебе компьютер? Не хочу в гараже оставлять, а больше...

– А почему тебе его непременно пристроить нужно? – перебила жена. – Неужели со съемной квартиры выгнали, а новую еще не нашел?

Версия была унижительная, но, с другой стороны, если ее придерживаться, то можно не признаваться, что ты отправился на поиски дочери. Пошел туда – не знаю куда, чтобы привезти то... Как в сказке.

В страшной сказке.

– Можно и так сказать, – сухо отозвался Вадим. – Так я привезу комп? Как смогу, заберу.

Веру кто-то окликнул по имени отчеству (она была на ра-

боте).

– Минуточку, – ответила жена коллеге, а после обратилась к Вадиму: – Прости, мне нужно идти. Ключ ведь есть у тебя? Привози компьютер.

– Да, конечно. Спасибо.

– Не за что.

Вадим хотел повесить трубку, когда Вера вдруг произнесла:

– Про вчерашнее. Я не хотела быть грубой, просто...

– Все хорошо, Вера. Не переживай.

– Пойми же, нужно перестать...

Вадим снова не дал договорить.

– Вера, я знаю. Поговорим в другой раз. Тебе бежать надо.

– У тебя уже есть какие-то варианты? – не отступала Вера.

Сначала Вадим не понял, о чем это она, потом до него дошло: про новое жилье.

– Есть кое-что на примете. Как устроюсь, сообщу новый адрес. Если хочешь, ключ могу оставить соседке, Юле.

– Не стоит, – торопливо проговорила Вера. – Пусть у тебя остается.

Ей, по всей видимости, было неловко. Квартиру в ипотеку они покупали вместе, платили тоже вдвоем, причем большую часть средств внес Вадим. А теперь у Веры есть крыша над головой, а он оказался на улице. Она предлагала продать квартиру, поделить деньги, чтобы каждый мог решить жилищный вопрос, но Вадим отказался.

То было место, где они втроем были счастливы. Место, куда должна была вернуться Ирочка. Если его не будет, если в их доме станут жить чужие люди, это не позволит Ирочке найти дорогу назад.

Глупая мысль, до смешного книжная, не имеющая отношения к настоящей жизни. Нелепая писательская фантазия. Но Вадим не готов был отказаться от нее, признать несостоятельность своей теории.

Вера помедлила, думая, что еще сказать, но в итоге просто попрощалась.

Зачем ей предполагаемый новый адрес Вадима, они оба понятия не имели. Вера не стала бы приходить.

Примерно полгода назад, когда они только-только разъехались, балансируя на грани разрыва, но еще делая порой странные и неуместные даже не шаги, а рывки к сближению, Вера однажды (это был первый и единственный раз) пришла к Вадиму.

Было около десяти утра, он недавно проснулся, и визит жены застал его врасплох. По идиотскому, совершенно киношному совпадению, накануне вечером Вадим подцепил в баре девицу и привел ее домой.

Дело было не в сексе, не в физиологической потребности. Вадиму невыносимо было оставаться одному в пропахшей чужими запахами, неудобной, замызганной квартире. Он боялся уснуть и увидеть во сне кошмар; страшился затаившейся по углам скорби, неумолчных голосов в голове, чув-

ства вины, тянущей, выматывающей боли. Метался, как помешанный, и в итоге его безумным вихрем вымело на улицу, к людям — незнакомым, равнодушным, в чьих глазах нет упрека или жалости.

Он не помнил (или не знал) имени той девушки, не спрашивал, кто она, чем занимается, где живет. Не запомнил ее внешности — в памяти остались только крашенные светлые волосы, жесткие на ощупь, как дешевый парик, запах сигаретного дыма, хрипловатый смех и влажные поцелуи с привкусом дешевого вина.

То, что было между ними, сложно назвать близостью — какая-то возня без примеси нежности, страсти или подлинного желания. Всего лишь смешная попытка заполнить пустоту, которая породила пустоту еще больше, смешанную с безразличием, гадливостью.

После Вадим погрузился в сон, больше напоминающий отключку, и не слышал, когда девица ушла. Проснулся от звонка в дверь. Безымянная и безликая ночная гостья оставила после себя волосы в сливе раковины и губную помаду малинового оттенка, которую нашла Вера.

По глазам жены Вадим понял, что наличие в его квартире следов пребывания другой женщины ранило Веру сильнее, чем она готова признать. Устроить сцену ревности, начать задавать вопросы мешала гордость, и Вера проглотила обиду, однако Вадим видел, насколько нелегко ей это далось.

Когда они жили вместе, Вадим не изменял жене. Сейчас,

после расставания (впрочем, документально неоформленного), обязательств перед нею у него больше не было, он не должен был оправдываться, не был повинен, не нуждался в прощении... Но стыдный, несуразный эпизод окончательно растоптал то, что тлело между ними, что еще оставалось, кроме общей потери, боли и беды.

Вадиму хотелось объяснить, что та девушка ничего для него не значила; хотелось спросить, зачем пришла Вера – возможно, искала примирения, поняла, что вместе им все же лучше, чем по одиночке? Но он промолчал. Не рискнул произнести это вслух. Да Вера и не сказала бы правды. Отговорила как-то мелким предлогом и вскоре ушла.

После того случая они не заговаривали о возобновлении совместной жизни, о возврате к прошлому. Их отношения продолжили катиться под горку, набирая скорость.

Сейчас, когда голос Веры погас в трубке, Вадим приказал себе не думать о том, что он, может статься, гонится за миражом, теряя при этом то, что у него еще остается.

Ирочку, скорее всего, не вернуть, но шанс восстановить брак пока есть. Обоюдную веру можно воскресить, любовь – это не простуда, она не проходит бесследно. Да, они пережили трагедию, но можно постараться оставить ее в прошлом. Продать здесь все и уехать, начать новую жизнь в другом городе или даже другой стране. Забыть. Родить (слово «завести» всегда казалось Вадиму неподходящим) других детей.

Однако он знал, что не может сдаться. Предать дочь.

«Последняя попытка», – пообещал себе Вадим.

Вещи уже были в машине. Заперев дверь квартиры, Вадим ушел, ни разу не оглянувшись на свое печальное пристанище.

– Если что, звони, – сказала хозяйка, которой Вадим завез ключи.

У нее было маленькое, скомканное личико с желтоватой кожей и глубоко посаженными глазами. Вадим видел ее паспорт, когда они заключали договор аренды, и знал, что хозяйке чуть больше сорока, но выглядела она на все шестьдесят. Он подозревал, что женщина крепко пьет, а сдача квартиры, доставшейся от покойной бабки, – ее единственный доход.

– Спасибо. Там все в порядке, в смысле, в квартире. Не волнуйтесь.

– А чё мне волноваться, – хохотнула хозяйка. – Брать нечего, стены бы, чай, не вывез. Сразу видать, ты порядочный. Платил вовремя. Все ровно было, тихо.

Вадим кивнул и повернулся, чтобы уйти.

– Слышь, Вадик. – Женщина вышла на лестничную клетку. – Ты это... Не подумай, что я чокнутая. Только... – Она нервно облизнула губы. – Вижу я кое-что про людей.

– Что? – не понял Вадим. – В каком смысле?

– Кто болеет, кто помрет скоро... Всякое такое. У меня это с детства.

Вадим ждал, что еще она скажет, хотя ему не терпелось

уйти. Мешала проклятая вежливость: нельзя же взять и оборвать человека, который пытается донести до тебя что-то важное с его точки зрения, попросить замолчать.

– И про тебя я сразу увидела. Меченый ты.

«Приехали!»

– Не пойму в точности-то, но... Стоит за тобой что-то. Черное. Дурное. Как будто поджидает. А ты сам туда лезешь.

– Ясно, – проговорил Вадим деревянным голосом. – Я пойду, наверное.

Хозяйка закудахтала, и он не сразу понял, что это нервный смех.

– Я ж говорю, решишь, что я того... поехавшая. И хрен с тобой. А я знаю, что говорю. Предупредить хочу, мужик-то ты хороший.

– Считай, предупредила. – Вадим, не заметив, перешел на «ты».

– Ага. Ты собрался куда-то. Далеко. В захудалый городишко. Походу, проклятое место. Там дурное тебя и сожрет. А ты и рад будешь.

С этими словами женщина развернулась и скрылась в своей квартире. Дверь хлопнула, хрустнул ключ в замке. Вадим медленно пошел вниз по лестнице, переваривая услышанное.

«Я сам сказал ей, что уезжаю. Остальное она додумала спьяну», – уговаривал он себя.

Но откуда женщина могла знать про проклятый «горо-

дишко» далеко отсюда?

А ведь Верхние Вязы запросто попадали под это жутковатое определение. Вадим погуглил, почитал про город все, что смог найти. Сказанное в ролике «Виатором» было правдой, никакого художественного преувеличения.

Вадим сел за руль, завел двигатель. Нужно заехать к Вере, отвезти компьютер. Он старался занять себя этими мыслями, но получалось не очень-то. Снова проверил сообщения, но Viator на связь не выходил.

Примерно через полтора часа Вадим выезжал из города. Наверное, умнее было бы отправиться в путь поутру, но ему уже негде было ночевать, вдобавок не покидало чувство, что надо торопиться.

Он написал Вере сообщение, что заезжал и завез компьютер; она отправила в ответ лаконичное: «Хорошо. Звони, пиши».

Никто не знал, куда Вадим отправляется и зачем. Возможно, он и расскажет об этом Вере, но потом, позже, когда придет время.

Ближе к вечеру, остановившись заправить машину и выпить кофе, Вадим подумал, что можно попробовать списаться с кем-то из друзей или родных «Виатора», спросить, как с ним связаться.

В списке «френдов» обнаружилась сестра по имени Римма. Вместо фотографии на аватарке у нее был белый кружок с черным квадратиком в центре и глубокомысленный статус:

«Цени простые вещи». Не особо надеясь на успех, Вадим отстучал сообщение и хотел уже выйти из аккаунта, убрать телефон и ехать дальше, как ценительница простых вещей ответила.

«А кто его ищет и зачем?»

Вадим подумал и написал, что видел ролик на канале, его кое-что заинтересовало, возник вопрос.

«Какой ролик?» – прилетело через секунду.

«Про Верхние Вязы».

Римма молчала минуты две, потом выдала: «Брат пропал».

Вадим пялился на экран, не веря своим глазам.

«Можно позвонить вам?» – написал он.

«Сейчас я занята. Часов в девять набери. Контакт скину. Освобожусь, поговорим».

Римма вышла из сети, и Вадим не был уверен, что она не обманула, что это была не отписка, и они вправду поговорят.

«Брат пропал». Из Интернета-то он точно пропал, но Римма, похоже, имела в виду нечто большее.

Бывают ли такие совпадения?

Небо наконец разродилось дождем, скоро начнет темнеть. Вадим решил обратиться до небольшого городка, лежащего на его пути, найти там место для ночлега и позвонить Римме, надеясь, что она не пропадет за эти часы так же, как и ее родственник.

Глава пятая

Номер, в котором предстояло переночевать, был маленьким, не слишком чистым, но зато вода в душе шла с хорошим напором, а кровать оказалась удобная.

Вадим купил в ближайшем магазине пирожки, кофе «три в одном» и две больших шоколадки. Он решил больше не пить алкоголь (пусть и предстоит видеть во сне кошмары, ложась спать без дозы спиртного) и задобрить организм ударной порцией сладкого.

После душа и ужина подошло время звонить Римме, и Вадим нажал кнопку вызова. Хотел ограничиться аудиозвонком, но потом подумал, что лучше бы видеть лицо собеседницы. Так легче распознать возможную ложь.

Римма отозвалась сразу и, похоже, волновалась не меньше, чем Вадим. Это оказалась девушка лет двадцати пяти, худенькая блондинка с мелкими, мышинными чертами лица и чересчур густыми бровями, придававшими ее лицу хмурый вид.

– Я на работе была, не могла говорить, – оправдалась она. – Теперь вот могу.

– Спасибо, что согласились пообщаться.

– Может, на «ты»?

Римма явно тянула время, пытаясь успокоиться, настроиться на нужную волну. Возможно, боялась сболтнуть лиш-

него. Вадиму пришло в голову, что не он один хочет раздобыть информацию о пропавшем человеке.

– Конечно, – согласился Вадим, – легко.

– Ты почему Ваську ищешь?

Вадим чуть не спросил, какого такого Ваську, но вовремя сообразил, что «Виатора» в миру зовут Василием.

– Видишь ли, Римма. У меня дочь пропала год назад.

– Как так? С концами?

Вадим поморщился, и Римма поспешно пояснила:

– То есть, хотела сказать, не нашли пока?

– Нет. Пока нет.

Взгляд Риммы сделался сочувственным.

Сопереживание, похоже, было неподдельным.

– Как это случилось? – спросила она.

Вадим вкратце рассказал.

– В ролике Василия я увидел Ирочку. Ролик годичной давности, то есть снят примерно тогда, когда она исчезла. Пропала в Быстрорецке, но каким-то образом очутилась в Верхних Вязах, на Урале. Я хотел поговорить с твоим братом. Вдруг он что-то знает? Ты сказала, Василий пропал. Что имела в виду? Скрывается от приставов или военкомата? Ударился в бег? Мне не важно, где он, я не буду задавать лишних вопросов, мне бы только поговорить с ним и...

– Мне бы тоже, – тихо произнесла Римма. – Но я не видела брата столько же, сколько ты не видел дочь. Понятия не имею, где он. В последний раз мы поговорили в декабре.

Первого числа.

– Через девять дней после исчезновения Ирочки.

Римма и Вадим смотрели друг на друга.

– Васька поехал в Верхние Вязы. Хотел снять ролик для своего дурацкого канала «Неведомая Россия». Он работал в магазине, две недели через две. Сотовые продавал. И вот в свои выходные поехал. – На глаза Риммы набежали слезы, девушка шмыгнула носом. – Так хотел стать популярным, кнопку серебряную на YouTube получить. Мечтал, что будет ездить по стране, находить загадочные места и снимать про них, миллионы просмотров набирать. Вот и нашел. На свою шею.

– Почему он отправился именно в Верхние Вязы?

Римма грустно улыбнулась.

– Он в нашей-то области все уже объездил, ничего интересного, говорит, не нашел. Ролики набирали мало, меньше, чем ему надо было. Вот Васька и захотел... – Римма изобразила пальцами кавычки, – географию поиска расширить. Узнал про этот городишко откуда-то, не знаю, откуда. Может, он и говорил, только я забыла. Собрался и поехал.

– На машине? – уточнил Вадим.

Римма кивнула.

– А там не проехать иначе. Это же задница мира, простите. Городишко с носовой платок, самолеты туда не летают, поезда не ходят. То есть раньше вроде ходили, но это давно было, когда шахты еще работали и провалов не было. Это

мне Васька говорил. Добраться можно автобусом до ближайшего города, он Октябрьское называется, не перепутай только с Октябрьским, который в Башкортостане. А от него – только своим ходом. На своей машине, в смысле. До Верхних Вязов автобусов нет.

– Значит, он поехал в Верхние Вязы, а потом?

– Приехал, позвонил мне. Мы с ним близкие, никого ближе нет. Отец умер давно, мать... Сложно там все. – Римма отвела глаза. – Пьет она, короче. Мать вообще, по-моему, не поняла, что у нее сын пропал. У Васьки девушка была, но они расстались прошлым летом, в августе. Она замуж вышла, недавно сына родила. А Васька...

Римма снова всхлипнула.

– Думал, звездой Интернета станет и докажет ей, что она ошиблась, когда его бросила ради этого индюка.

– Вася просто ходил с камерой и снимал все подряд в Верхних Вязах?

Римма вяло пожала плечами.

– Скорее всего. Он снял жилье на несколько дней. У старухи какой-то. Мне говорил, что отснимет побольше материала, а потом дома смонтирует для канала. Но один ролик выложил прямо так, будто в прямом эфире. Ты его и видел.

– А дальше? – осторожно поторопил Вадим, потому что девушка умолкла.

– Должен был в четверг утром уехать оттуда. Ролик выложил в среду и тогда же мне позвонил. Сказал, нечисто в этом

захолустье.

– То есть? – Вадим подался вперед. – Что он узнал?

– Да откуда я знаю! Он ничего толком не говорил. Но я Ваську знаю как облупленного, сразу поняла: боится он. Говорил, ночью к нему приходило что-то.

– Приходил? Кто?

– Не «приходил», а «приходило», в среднем роде. Так и сказал. И губы все кусал. Говорил, ночевать боится, но ночью ехать тоже не айс. Утром, говорит, тронусь, как посветлее будет. В темноте вроде как... – Она чуть смущенно глянула на Вадима. – Обитает там что-то в темноте, по ночам. В городке. То ли из проломов вылезает, то ли еще что. Говорю же, не поняла ничего. Васька тараторил, как сумасшедший, все губы кусал и оглядывался, как будто нас подслушать могли. Я его успокаивала. Но, по правде, значения особого не придала. Он впечатлительный, весь на эмоциях. На следующий день Васька должен был позвонить. Только не позвонил. Я пыталась дозвониться, но номер оказался недоступен. И все. Ни слуху ни духу больше.

– В полицию обращалась? В розыск объявляли его?

– Обращалась. – Римма криво усмехнулась. – Толку-то. Они решили, он из-за сучки этой расстроился, что она его бросила. Сбежал новую жизнь начинать. Кредит еще был у него. Сто тысяч. Васька, вроде как, не желал платить и сбежал. Чушь собачья! У него тут комната была, все вещи остались, ноутбук, на который он кредит и брал. Зачем ему все

это бросать? Я пыталась объяснить, но соседи, на работе придурки разные нашлись, который слышали, как он говорил, что хочет все бросить, что все ему надоело. И типа напивался с горя, и камень своей бывшей в окошко бросил.

– А этого не было?

– Было, блин! В том-то и дело, что было! Но прошло уже, он переболел, отошел. Расстались они в августе, я же говорю, а пропал он в декабре! Чего тогда сразу не сбежал?

Вадим мог бы возразить, что человеческая психика – дело тонкое. Терпел бедный Васька, терпел, надеялся выправиться, но не сумел. Однажды утром проснулся и понял: все, приехали, дальше так жить нельзя. Вадим, как никто другой, знал, какие выверты могут быть: сегодня тебе кажется, что все налаживается, есть силы двигаться дальше, а завтра проснешься и только один вариант увидишь – помереть скорее.

Говорить этого Римме он, естественно, не стал. Вдобавок не был уверен, что это применимо к данному случаю. Вадим все сильнее утверждался в мысли, что блогер-неудачник Василий прав: с Верхними Вязами что-то не так. Весьма вероятно, что «Виатор» раскопал нечто опасное с чьей-то точки зрения или же случайно увидел или услышал то, что не было предназначено для его глаз и ушей. За это и поплатился.

– Машина тоже не обнаружилась? – спросил Вадим.

– Тоже. Ни Васьки, ни машины. Ничего.

Вадим соображал, о чем еще спросить, *что* могло бы про-

лить свет на два исчезновения, столь синхронно произошедшие в конце осени – начале зимы в прошлом году.

– Ты упомянула, Вася много чего говорил. Не припомнишь, что именно? Это может оказаться важным.

– Хочешь знать, не говорил ли про твою дочку? Нет, не было такого. Он пургу гнал, трудно понять было. Про демонов что-то... Или про мертвецов, которые бродят. Да, про них точно было. Я еще сериал «Ходячие мертвецы» вспомнила, пошутила, а он вызверился, перекосялся весь, мол, я его на смех поднимаю, а ему не до смеха. – Римма опустила глаза. – Наверное, я, его сестра, должна поехать в тот городишко, поспрашивать, поискать Васю, но...

Она внезапно закашлялась, словно подавившись словами, потянулась куда-то, глотнула из белой чашки с розовым сердечком.

– Меня от этого городка прямо морозит, хотя я там не была ни разу. Не могу... Никак не могу себя заставить! – Римма оправдывалась, хотя Вадим и не думал ни в чем ее обвинять. – Мне кажется... Я даже уверена: там жуть творится.

– Да ты и не...

Вадим хотел сказать, что она не обязана отправляться на поиски, на это есть полиция, но Римма поняла его неоконченную фразу по-своему.

– Не надо мне говорить, что это обычное захолустье! Я сама всю жизнь в таком живу, только размером побольше, конечно. Нет, там другое. И Васька говорил... Я сначала не

восприняла серьезно, сказала же. Но потом... Сны эти.

Вадим почувствовал, как резко пересохло во рту.

– Что ты видишь? Какие сны? – спросил он.

– Не сны даже, а сон. Одно и то же всегда. Спать уже боюсь. То и дело повторяется, спасибо, хоть не каждую ночь.

– Что тебе снится? – снова напряженно спросил Вадим.

– Будто я под землей. В провале, в том городишке. Не знаю, как там оказалась, но мне надо выбраться, это я точно знаю. Иначе – все, хана. Во сне мне страшно настолько, что аж колотит всю. – Римма содрогнулась. – Я бегу и знаю, что Васька тоже тут где-то. Вроде надо мне его найти, но и понимаю, что не стоит. Потому что Васька – уже не совсем он! Пока бегу, чувствую, что кругом копошатся разные... разные существа. Они шепчут. И еще я знаю, что они хотят меня сожрать, поэтому бежать надо быстрее, а у меня ноги заплетаются. Я вижу свет впереди и чувствую вонь. Так смердит, что охота развернуться и обратно рвануть, но...

«Но потом ты видишь брата», – подумал Вадим.

– Смотрю – Васька. Боком ко мне стоит, лица не видать. И я понимаю, что это хорошо, потому что лицо у него... – Римма шумно сглотнула. – За секунду до того, как просыпаюсь, он поворачивается. Не Васька это, а тварь какая-то в его обличье. Демон. Я не мастак описывать, но это просто жесть.

Римма замолчала, встретившись с Вадимом взглядом.

– Ты тоже видишь сон, да? – проницательно заметила она. – Можешь не отвечать, я и так догадалась. У тебя на лбу

написано. Но как так может быть, что двум разным людям одно и то же снится? Почему?

— Это как раз понятно, — скрипучим голосом произнес Вадим. — И у тебя, и у меня близкий человек пропал. В этих самых Вязах.

Римма недоверчиво покачала головой.

— Только не говори мне, что собрался туда. Ты же не настолько дурак?

— Похоже, именно настолько, — усмехнулся Вадим. — Я уже еду туда. Надеюсь, завтра к вечеру доберусь до Октябрьского. Заночую там, а утром...

— Не надо, — прошептала Римма. — Не езд.

— Я должен. Там моя дочь.

Римма чуть не плакала.

— Ты не понимаешь? Год прошел! Если она и была жива тогда, то...

— Замолчи! Немедленно замолчи!

Вадим не мог допустить, чтобы девушка произнесла это вслух. Не облеченная в слова, убийственная мысль оставалась всего лишь химерой, но если дать ей тело, обернув в буквы или звуки...

Римма смотрела горестно, сочувственно.

— Я тебя не отговорю, да?

— Не отговоришь.

— Ты хоть дай знать, как доедешь. Что там вообще, в Вязах. Может, новости какие будут о... о Ваське моем.

Им стало трудно говорить.

Каждому захотелось остаться одному, прервать беседу.

– Ты прости, мне идти надо, – тоненько сказала Римма.

– Конечно. И мне тоже.

Они прощались, неловко желали друг другу удачи, на душе у каждого было тяжело. Римма была уверена, что больше не увидит Вадима, ей было тошно, стыдно: у него хватило смелости сделать то, на что она не решилась.

А Вадим прикидывал, где ему раздобыть побольше ценной информации о Верхних Вязах, чтобы не заявляться туда совсем уж голым, не вооруженным даже сведениями об этом месте, не говоря о прочих средствах защиты.

Глава шестая

Когда-то город Октябрьское считался туристическим центром – конечно, не крупным, не всесоюзного значения, но все-таки посмотреть тут было на что.

Во-первых, огромная пещера, где были обнаружены следы поселений древних людей. Найдена была наскальная живопись первобытных людей – рисунки, выполненные с помощью охры и угля: отпечатки рук, изображения лошади, бизона, оленя, мамонта, антропоморфные фигуры, а также всевозможные линии, треугольники и некое подобие лестниц. В пещеру водили экскурсии, показывали восхищенным туристам открытые для посещения залы.

Во-вторых, рядом с городом имелось большое озеро, а на его берегу – база отдыха. Можно было проводить здесь выходные или отпуск, купаться, загорать, фотографироваться, кататься на лодках.

В-третьих, в Октябрьском работал интересный историко-краеведческий музей со всевозможными археологическими и палеонтологическими экспонатами, а еще имелся музыкальный фонтан.

И, в-четвертых, Верхние Вязы! Организовывались экскурсии на соляные шахты, предлагалось посмотреть, как добывается соль.

Однако с началом перестройки и приходом девяностых

активность стала угасать. Это происходило медленно, постепенно, но неуклонно. Люди предпочитали ездить отдыхать и набираться впечатлений в другие места.

Городские власти столкнулись с необходимостью благоустроить пещеру, чтобы продолжать привлекать туристов. Первым делом требовалось провести освещение, сделать подсветку, проложить удобные дорожки и прочее – кому хочется бродить в сырой темноте, спотыкаясь и рискуя свалиться и сломать что-то, а то заблудиться, если ненароком отойдешь от экскурсовода?

Не мешало привести в порядок и базу отдыха. Дощатые домики, деревянные туалеты на улице, общие кухни – кого приманишь спартанским советским уютом? Да и озеро с годами порядком загрязнилось, гладь его тут и там затянуло тиной, берег был заболочен. Нужно чистить, обустраивать, приводить в первозданный вид.

Однако денег на все не хватало. Вдобавок на Урале имелись и другие озера, и пещеры повнушительнее, поинтереснее: ледяные, с несколькими этажами, подземными реками и озерами, живописными гротами, сталактитами и сталагмитами.

Дешевле и проще оказалось забросить пещеру – что и было сделано. Экскурсии прекратились, появились таблички, предупреждающие возможных посетителей об опасности и полной ответственности за свои действия: осматривать пещеру теперь предлагалось на свой страх и риск, отдавая себе

отчет в возможных последствиях. Так что в пещеру отправлялись только редкие экстремалы, да и тех с каждым годом становилось меньше.

Соляные шахты дышали на ладан, дело было в постепенном закрытии добычи, в пресловутых провалах. Кто пожелал бы рисковать жизнью, отправляясь в место, которое не ровен час провалится прямо под твоими ногами, даже если бы это было по-прежнему разрешено?

А больше в Октябрьском и окрестностях смотреть было нечего. Ехать ради заболоченного, утратившего былую прелесть озера и городского музея? Глупо и нерационально. Фонтан вообще не в счет, к тому же его демонтировали в середине девяностых. Горы, пещеры, озера, леса и реки – всем этим Урал богат, можно поехать в другое, более безопасное, красивое, обустроенное место.

Итак, город проиграл конкуренцию и без активной поддержки государства зачах. Печальная, но вместе с тем вполне обычная, в чем-то даже типичная история городка стала известна Вадиму чуть позже. Он прибыл в Октябрьское ближе к семи вечера. О том, чтобы сразу двинуться в Верхние Вязы, не могло быть и речи, так что пришлось искать ночлег.

Еще вчера Вадим попытался забронировать местечко с помощью сервиса для путешественников, но успеха попытка не возымела. Туристическая слава Октябрьского осталась в прошлом, мало кто приезжал в город, так что и желающих разместить предложения об аренде комнат и квартир не на-

шлось.

Вадим решил сориентироваться на месте: должны же тут быть гостиницы? Хотя бы одна. Или люди, которые сдают жилье, не регистрируясь на Интернет-площадках для туристов. На деле все оказалось несколько сложнее, чем оптимистично надеялся Вадим.

В городе, если верить информации из Интернета, имелись гостиницы, но одна была не так давно перепрофилирована в торгово-развлекательный центр, вторая оказалась закрыта на ремонт, а в третьей не нашлось свободных номеров.

– Неужели у вас такой наплыв гостей? – раздраженно спросил Вадим женщину-администратора.

– Я что, врать вам буду? – возмутилась та. – У нас сейчас в Октябрьском конференция проходит. – Это прозвучало с оттенком гордости. – В нашем зале для мероприятий участники заседают, в ресторане для них питание организовано, трехразовое, между прочим. А в номерах иногородние размещаются.

– Понятно. – Вадим развернулся, чтобы уйти. – Всего доброго вам и участникам конференции.

Администратор по какой-то причине сжалилась над ним и сказала:

– Вы на сайт города зайдите, там есть доска объявлений. Или вот газету купите, в киоске слева от входа продается. Может, кто-то сдает комнату.

Вадим поблагодарил женщину и воспользовался ее сове-

том. Сайт безбожно висел, страницы грузились медленно и открывались не полностью. Но с бумажной газетой дело обстояло еще хуже: киоск был уже закрыт. После долгих мучений, чертыхаясь и проклиная все на свете, Вадим все же добрался до раздела сдачи жилья. В аренду сдавалось не так уж много квартир и комнат, но кое-какие предложения имелись, и Вадим стал обзванивать владельцев.

Повезло ему с шестой попытки: то трубку не брали, то телефон отключен (зачем давать объявление и выключать телефон?!), то Вадиму категорично заявляли, что посуточно не сдают, только на долгий срок.

– Улица Комарова, сорок. Квартира номер четыре. На первом этаже, – голос хозяйки, судя по всему, немолодой женщины, прозвучал неожиданно робко.

«Да хоть в подвале, мне на одну ночь», – подумал Вадим, уставший, голодный, измученный долгой дорогой.

– Я приезжий, город не знаю. Вы можете точку скинуть? – не подумав, брякнул Вадим, запоздало сообразив, что для пожилой женщины из провинции эта фраза могла прозвучать как заклинание на неведомом языке или шифр без ключа. Какую точку? Куда скинуть?

«Еще решит, что я маньяк или просто придурок!»

– Что? Я не...

– Нет-нет, ничего! Скоро буду у вас, – бодро проговорил Вадим и еще раз пообещал заплатить сразу же наличными, чтобы не отпугнуть хозяйку.

Улица Комарова обнаружилась в другом конце Октябрьского, но, поскольку город был невелик, да и машин на дорогах мало, добрался Вадим быстро. Как проехать, ему подсказали в «Магните», куда он зашел купить продукты. Хотелось нормальной горячей еды, но сил искать кафе, чтобы поужинать, не было.

Как Вадим и предполагал, хозяйкой квартиры была женщина лет шестидесяти с лишним. На ней был бордовый халат, а поверх – меховая жилетка. Седые волосы коротко острижены, на носу кривовато сидели очки.

Квартира располагалась в пятиэтажной «хрущевке». Аккуратный дворик – лавочки, машины, детская площадка...

«Хватит, не думай об этом!»

Припарковав машину, подойдя к двери подъезда, Вадим нажал нужную цифру на домофоне. Вопросы: «Кто?» не последовало, вместо этого устройство гостеприимно запиликало, возвещая, что дверь открыта.

Женщина встречала постояльца на пороге.

– Здравствуйте, долго нас искали? – все с теми же робкими, даже заискивающими интонациями произнесла она.

Вадим заверил, что все в порядке, разулся в тесной прихожей, где едва хватало места для них двоих.

– Я сама тут же живу, на втором этаже. В этой-то квартире сестра моя жила, а мы с мужем... Ой, да вам не интересно это, – спохватилась она. – Я только хотела сказать, что тут чисто, как дома, вы не волнуйтесь. Мы с мужем только по-

завчера объявление подали, а тут сразу и вы! – Она улыбнулась. Улыбка у нее и сейчас была чудесная, лучистая, а в молодости, наверное, и вовсе все кругом освещала. – К пенсии же прибавка не помешает, так ведь?

– Конечно, – успокоил женщину Вадим, не понимая, с чего ей пришлось в голову объяснять ему, чуть ли не оправдываться за желание сдать жилье.

– Вы посмотрите сами. Вот тут комната, телевизор есть. Диван раскладывается, он не жесткий, вам удобно будет, белье все новое, я только-только купила на прошлой неделе. Санузел совмещенный у нас, все рабочее. Стиральная машина, правда, полуавтомат.

Вадим успокоил хозяйку, сказав, что стирать не собирается, так что это не имеет значения. В квартире пахло гречневой кашей и, кажется, выпечкой. Придя на кухню, Вадим увидел, что на столе стоит тарелка с внушительным куском пирога, а на плите – маленькая кастрюлька.

– Я подумала, может, вы покушать захотите с дороги? – Снова этот почти умоляющий тон. – Пирог нынче пекла и... А вон каша. Хорошая, рассыпчатая.

Это было как нельзя кстати, а еще и трогательно. Вадим не мог припомнить, когда в последний раз кто-то беспокоился, не голоден ли он.

С чувством поблагодарив хозяйку, он предложил отдельно заплатить за ужин, но встретил возмущенный отказ.

– Я же от чистого сердца, – сказала женщина, и проси-

тельные интонации впервые ушли из ее голоса. – Кушайте на здоровье.

Вадим рассчитался с хозяйкой, она старательно переписала его паспортные данные в тетрадку. Проще было сфотографировать, но то ли ей это не пришло в голову, то ли в ее телефоне не было хорошего фотоаппарата.

– Значит, утром я уйду, а перед уходом ключ вам занесу, в шестую квартиру, – сказал Вадим, когда хозяйка собралась уходить.

Внезапно ему пришло в голову, что можно расспросить ее про Верхние Вязы, она может рассказать что-то интересное.

– Я не знал, что вы меня ужином накормите, купил себе печенье и шоколад, думал, чаю попью. Может, и вы со мной? Мне тоже вас угостить хочется, – сказал Вадим, почти уверенный, что Марина Ивановна (так звали хозяйку) откажется.

Однако она согласилась. Может, потому, что не умела говорить «нет».

Спустя некоторое время Вадим уплетал за обе щеки невероятно вкусную кашу, щедро сдобренную сливочным маслом, а Марина Ивановна заваривала чай, наполняла чашки, выкладывала в вазочку печенье.

За этими хлопотами она и рассказала гостю о печальной судьбе Октябрьского. И о своей жизни тоже. Муж хозяйки был водителем (сейчас на пенсии, хворает очень), а сама Марина Ивановна трудилась в городской больнице.

– Раньше в бухгалтерии работала, а сейчас гардеробщицей. Иногда и в регистратуре девочек подменяю. Мне несложно, я люблю с людьми общаться. Городок у нас небольшой, но красивый, вам понравится. Вы в отпуск приехали? – наивно спросила Марина Ивановна.

«После всего, о чем ты мне поведала, думаешь, кто-то может захотеть потратить на это место свой отпуск?» – подивился про себя Вадим.

– Нет, я здесь только на день.

– Ой, ну конечно, вот я глупая! – Марина Ивановна всплеснула руками. – Вы же на день квартиру-то сняли! Хотели бы остаться, так на дольше бы... – Недоговорив, она присела к столу. – Вкусная каша?

Вадим сам не заметил, как тарелка опустела.

– Очень!

– Может, добавочки?

От «добавочки» Вадим вежливо отказался, и они стали пить чай со сладостями. Пирог был такой же замечательный, как каша, а Марине Ивановне пришлось по вкусу шоколад с клубничной начинкой.

– Чего ж вас к нам привело-то? Издалека приехали? – спросила она.

– У меня дела в Верхних Вязах, – ответил Вадим.

Оживленное выражение поблекло, улыбка сползла с лица Марины Ивановны.

– В Вязах? – переспросила она. – А чего вам там?

Вопрос был бестактный, но ни Вадим, ни Марина Ивановна этого не заметили. Ясно было, что она не из праздного любопытства спрашивает. В воздухе повисло напряжение. Вадим не знал, что ответить. Рассказывать правду не хотелось, а сказать что-то нужно.

– Друг у меня там, – уклончиво ответил он. – Повидаться надо.

Похоже, Марина Ивановна ему не поверила. Хотя почему бы и нет? Почему у Вадима не могло быть друзей в Верхних Вязах?

– Наверное, там не очень-то весело? – Вадим попытался разрядить обстановку. – Провалы, народу мало осталось. Я знаю, мне просто...

– Нечего вам туда ехать! Пусть друг сам приедет. Да вот хоть сюда, в Октябрьское.

Говорила она горячо, быстро. Судя по всему, переживала за Вадима, чужого ей человека. Но такова, видимо, была Марина Ивановна: забота о его благополучии стояла в одном ряду с ужином.

– Вам кажется, что в Верхних Вязах небезопасно? – тщательно подбирая слова, произнес Вадим. – Поэтому мне не стоит там появляться?

Ее слова только укрепили Вадима в мысли, что дело нечисто. Люди в Верхних Вязах точно исчезают, что еще происходит?

Марина Ивановна судорожно вздохнула, быстро встала и,

схватив чашку, повернулась с нею к раковине, включила воду, стала мыть.

– Вы простите меня. Я по глупости, не со зла. Надо – езжайте. Просто...

Женщина повернулась к Вадиму. У него сложилось ощущение, что она хочет о чем-то предупредить его, но не решается.

«Почему не сказать прямо? Никто же нас не подслушает!»

За окном с желтыми занавесками в красный цветочек разливалась тьма. Вадиму почудилось, что из этой темноты что-то пристально смотрит на него, следит за ним взглядом.

«Это паранойя!»

Вадим отвел взгляд от окошка.

– Нехорошее там место, – скороговоркой произнесла Марина Ивановна.

– Но вы сказали, экскурсии туда водили.

– Раньше нормально было, – согласилась Марина Ивановна и посеменила в коридор. Говорила она теперь отрывистыми, рублеными фразами. – Предприятие работало. Рудник. Люди зарплату получали. Дорога даже была железная. Грузы возили. Но теперь уж все.

Вадим встал и пошел за ней.

– Вы простите, мне пора, муж ждет.

– А что случилось потом? – спросил Вадим. – Вы сказали, раньше было нормально. Потом-то что стряслось? Дело в провалах?

Она смотрела на него, и глаза ее за стеклами очков казались чересчур большими. И определенно испуганными.

— Кое-что было, — прошептала она, — кое-что плохое. И мой сын... — Лицо ее исказилось. — Он...

— Что с ним случилось?

Марина Ивановна глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки.

— Он погиб, — сказала она. — В Верхних Вязах. После армии не мог работу найти и... Знала бы, чем все обернется, не дала бы сыну близко подойти к...

«К чему? К кому?»

Марина Ивановна твердо посмотрела Вадиму в глаза, и он понял: больше женщина ничего не скажет. Что-то связывало ее, сковывало язык, не давая открыть правду.

Впрочем, то же самое можно было сказать и о Вадиме: и он ведь не поделился своей бедой. Был бы откровеннее, может статься, добился бы искренности в ответ. Но Вадим не мог сообразить, стоит ли это делать, нужно ли говорить про Ирочку (и про блогера Василия).

Пока размышлял, Марина Ивановна отперла замок, выскользнула из квартиры и устремилась вверх по лестнице, наспех попрощавшись с постояльцем.

Глава седьмая

Человек предполагает, а Бог располагает. Всю точность и даже некоторую безнадежность известной фразы Вадим постиг, добираясь в Верхние Вязы.

По его прикидкам, он должен был оказаться в городке уже часам к двенадцати, однако вышло иначе. Выехал Вадим позже, чем планировал, но все же достаточно рано, девяти еще не было. Перед отъездом зашел в шестую квартиру, занес Марине Ивановне ключ, поблагодарил за гостеприимство.

Она улыбалась, но Вадим видел, что ей не по себе. Как будто женщина хотела одновременно двух противоположных вещей: чтобы постоялец убрался как можно скорее и чтобы задержался подольше, не уезжал (или, если сказать более определенно, чтобы не ехал в Верхние Вязы).

Это немного раздражало: есть тебе что сказать – так говори, не молчи, что за игры? А если не хочешь говорить, так нечего было начинать.

Октябрьское при свете дня производило довольно гнетущее впечатление. По некоторым приметам – большой сквер, ряд претенциозных зданий, городская площадь – еще чувствовалось, что городок знавал лучшие дни, однако очевидно было, что дни эти остались в далеком прошлом. Надписи на баннерах «Процветай, любимый город!» выглядели, ско-

рее, ернически.

Но все же жизнь шла своим чередом, люди спешили по делам, переходили улицы, дожидаясь зеленого сигнала светофора, зябко ежились на автобусных остановках. А вот что ждало Вадима в угасающем местечке Верхние Вязы...

Покинув Октябрьское, Вадим покатил по дороге, ведущей туда, и очень быстро понял, что его намерение попасть в городок через пару часов грешило излишним оптимизмом.

Дорожное покрытие было в ужасном состоянии: ямы, наполненные водой, ухабы, трещины. Пришлось сбросить скорость и ползти, объезжая все эти прелести. Поэтому, сосредоточившись на препятствиях, Вадим не сразу обратил внимание на окружающий пейзаж.

А когда присмотрелся, под ложечкой неприятно засосало. Справа и слева тянулся лес, который изредка перемежался проплешинами открытого пространства. Лес выглядел нехоженым, настоящий бурелом, деревья как будто норовили выбежать на дорогу, вытягивая костлявые руки-ветки, чтобы остановить путешественника.

Два раза на пути встретились опустевшие деревни: заброшенные, почерневшие дома, окна – заколоченные и разбитые, валяющиеся на земле, гниющие заборы, заросшие сады и дворы. Вадим старался особо не всматриваться: покинутые людьми поселения вызвали тяжелое чувство, он не принадлежал к числу людей, которым любопытны места, где жизнь остановилась.

Кроме этих деревень, никаких следов человеческого жилья Вадим больше не увидел. Ехал в одиночестве по дороге, уводившей все дальше в глушь. Погода и так-то не радовала, но повалил мокрый снег, что сделало продвижение вперед еще более медленным, а настроение – еще более минорным.

Порой Вадима охватывало ощущение, что он совершает ошибку, что нужно развернуться и уехать отсюда, пока не поздно, и ему приходилось прикладывать усилия, чтобы не сделать этого.

Полдень миновал, и час дня, и два часа, а дорога все не заканчивалась, и картина была все та же, и Вадиму стало все-серьез казаться, что он ездит по кругу, что нет на свете никаких Верхних Вязов – есть лишь фантомный город-призрак из Интернета.

Но тут из-за поворота показалась табличка, возвещавшая, что Вадим вскоре окажется в пункте назначения. Надпись была полустертая, буквы облезли, однако табличка свидетельствовала, что городишко, в существовании которого Вадим уже стал сомневаться, есть на самом деле.

Верхние Вязы неприязненно взирали на вновь прибывшего сквозь пелену снега, хлопья которого тяжело валились на бурую землю. Высотных зданий тут не было и быть не могло, но городок не выглядел уютным поселением с невысокими домиками и тихими улочками. Верхние Вязы казались неприятно плоскими, размазанными по грязной поверхности земли.

Многие дома выглядели необитаемыми и, скорее всего, являлись таковыми, но были и те, где люди еще жили. Улицы крест-накрест, разбитые автобусные остановки, магазины «24 часа» и «Хозтовары», киоски, аптека, почтовое отделение, неопрятные жилые дома. Городок еще держался, из последних сил стараясь сохранять видимость нормальной, размеренной жизни, но тут и там картинка ломалась, из образовавшихся дыр высывались приметы разрухи: ржавые качели, опрокинутые мусорные баки и горы мусора, валяющегося рядом с ними; сломанные скамейки, разбитые поребрики. Возможно, весной и летом, когда убожество можно прикрыть зеленью (теми самыми вязами, например), все выглядело чуть попрятнее, но сейчас...

В некоторых окнах горел свет: темнело рано, к тому же день пасмурный. Вадим ехал по улицам, приглядываясь к Верхним Вязам, и ему чудилось, что город в свою очередь приглядывается к нему, оценивая, прикидывая что-то.

«Надо решить, где остановиться», – подумал Вадим, отыскивая взглядом что-то похожее на гостиницу, гостевой дом или объявление о сдаче жилья. Не в машине же ночевать.

Девушка кошкой метнулась под колеса. Снежная завеса разъехалась, словно рваная занавеска, и она выпала на дорогу, но тут же отскочила обратно. Или ее отбросило.

«Слава богу, ехал медленно», – еле оформилось в мозгу. Вадим шарахнул по тормозам, автомобиль послушно замер. Сердце машины остановилось, а водителя – колотилось, сту-

чалось о ребра. Не успел приехать – чуть человека не сбил.

Вадим выскочил из салона и бросился к девушке. Она была невысокого росточка, в пуховике кирпичного цвета, черных джинсах и шнурованных ботинках на меху. Черная шапка надвинута на глаза, на плече – рюкзак. Увидев, что Вадим направляется к ней, девушка сжалась и рванулась вбок, явно собираясь убежать.

– С вами все хорошо?

– Нормально, – отрывисто проговорила она, опуская голову. – Все нормально. Я сама виновата, не видела. Снег и я...

Вадим протянул руку, девушка дернулась, точно он собирался ее ударить.

– Хотите, подвезу вас? – Он не знал, что еще сказать, как себя вести. Незнакомка вела себя нервно. Боялась чего-то, а может, спешила и злилась из-за вынужденной задержки. Но еще это могло быть последствием шока: девушка ударилась сильнее, чем кажется, и тогда ей нужен врач. Вадим произнес это вслух, и она резко развернулась к нему, проговорила неожиданно зло:

– Да отвали! Все хорошо, усек? – Глаза сузились, верхняя губа задралась, как у разъяренного пса, обнажив ровные зубы. – Мне не нужен ни врач, ни еще кто-то!

Бросив это ему в лицо, девушка поправила рюкзак и зашагала прочь, больше ни разу не обернувшись. Вадим остался стоять у обочины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.